

Еще раз о «большом проекте» Г. А. Зюганова (с точки зрения марксиста)

В. А. Вазюлин

В связи с тем, что после публикации нашей статьи о «Большом проекте» Г. А. Зюганова¹ появились возражения против ряда **существенных** положений, содержащихся в ней, оказалось необходимым дополнительно разъяснить идеи этой статьи.

В предыдущей статье мы писали о том, что Г. А. Зюганов в «Манифесте НПСР» не охарактеризовал так или иначе стратегические цели КПРФ. Нам возразили: это – манифест НПСР, а не программа КПРФ. Поэтому о стратегических целях КПРФ в «Манифесте НПСР» писать не нужно.

И все же хотелось бы спросить: допустимо ли руководителю **Коммунистической** партии в тексте «Манифеста НПСР» не обозначать **особые стратегические** цели КПРФ?

Представляется, что, с марксистской точки зрения, не писать в «Манифесте НПСР» об особых стратегических целях коммунистов – значит либо допускать крупную ошибку, либо это есть не что иное, как принципиальное отступление от стратегических коммунистических целей.

Ведь речь идет не о пустяке, а о проекте, который в случае его осуществления определит жизнь России на много-много лет вперед, и притом о проекте, который выражен в форме манифеста, то есть в форме письменного **обращения**, имеющего программный характер, к **массам** населения страны.

Итак, представим: руководитель Коммунистической партии обращается к массам населения с программой НПСР и не высказывает отношения Коммунистической партии к этой программе.

Способствует ли он просвещению, ориентации масс в коммунистическом духе или нет?

Ответ, по нашему мнению, очевиден: нет, не способствует.

Тем, к кому обращен «Манифест НПСР», придется самим сопоставить манифест НПСР и программу КПРФ, установить их сходства и различия, определить специфику стратегических целей НПСР и их соотношение со стратегическими целями КПРФ. Смогут ли проделать такую работу те, к кому обращен «Манифест НПСР»? Явно так будет очень немного, если таковые найдутся.

Мы думаем, что не случайно в «Манифесте НПСР» отсутствует характеристика Г. А. Зюгановым особых стратегических целей Коммунистической партии РФ.

Стратегические цели – это основные ориентиры деятельности, определяющие ее направление, это – своего рода «магнит», который упорядочивает всю деятельность в целом. (Конечно стратегические цели, в свою очередь, должны быть упорядочены. Но здесь мы отвлекаемся от этого вопроса.)

Между тем создается впечатление, что вообще Г. А. Зюганов, во-первых, по крайней мере, недостаточно верно и отчетливо представляет стратегические цели Коммунистической партии, и, во-вторых – что связано с первым, – нередко забывает о стратегии в угоду тактике и даже в уго-

ду «текучке», плывя по течению событий.

Остановимся на ставшей крылатой фразе Г. А. Зюганова: «Россия исчерпала лимит на революции», или в другом варианте: «Лимит на революции исчерпан». Главный аргумент Г. А. Зюганова: революция означает с неизбежностью гражданскую войну, а гражданская война в эпоху ядерного оружия, атомных электростанций приведет к губительным последствиям для страны и мира в целом.

Прежде всего, совсем не желая «убить Зюганова» (как высказался один из наших оппонентов), скажу: Г. А. Зюганов не понимает, что такое революция.

Что же такое революция?

Революция (имеется в виду революция в обществе, общественная, социальная революция), во-первых, **коренное**, а во-вторых, **прогрессивное** изменение социально-экономического, общественно-политического строя.

Противоположностью революции, если брать второй из отмеченных существенных признаков, является **контрреволюция**.

Контрреволюция – это, хотя и **коренное, но регрессивное** изменение социально-экономического, общественно-политического строя.

В нашей стране в 90-х годах произошла **буржуазная (капиталистическая) контрреволюция**, в результате которой Россия из социалистической стала капиталистической страной.

Становление капитализма в России в экономическом отношении еще, то есть к 2001 году и в 2001 году, не завершилось. В политическом же отношении буржуазная (капиталистическая) контрреволюция победила в октябре 1993 года, когда был расстрелян Верховный Совет РФ, то есть высшая советская власть в России.

И какие бы там ни были депутаты, но Верховный Совет РФ был высшей **политической властью социалистического общества**².

Отказ от революционной борьбы в мире, в частности в нынешней капиталистической России, – не что иное, как отказ от борьбы за переход к социалистическому, коммунистическому обществу, то есть **отказ от стратегических коммунистических целей**.

Если человек отказывается от революционной борьбы, то такой человек, естественно, – не коммунист.

Г. А. Зюганов, если он придерживается положения о том, что лимит на революции исчерпан, либо принципиально отказывается от борьбы за социализм, за коммунизм, соглашается с существованием капиталистического строя в мире, и в частности в России, а также соглашается с буржуазной, капиталистической политической властью, в принципе не хочет бороться с капитализмом по коренным вопросам ни сейчас, ни в будущем; либо не отдает себе отчета в том, что путает понятие «револю-

¹ См. «Марксизм и современность» № 1-2 (13-14), 1999 г., с. 67-71, В. А. Вазюлин, «Большой проект «Г. А. Зюганова с точки зрения марксиста (О «Манифесте НПСР»)

² Нередко можно слышать и читать (главным образом в «демократических» СМИ): не нужны «измы», социализм и капитализм – идеологические мифы. Такие утверждения представляют собой либо глупость, либо подлость. «Капитализм» и «социализм» – понятия, отражающие в корне отличные друг от друга устройства всего общества, во всех его сферах, в том числе в корне отличные друг от друга образы жизни, представления о счастье, жизненных ценностях и т.д. и т.п.

ция» с понятиями «пути революции», «средства осуществления революции».

Однако и в случае неосознаваемой путаницы этих понятий невозможно последовательно проводить стратегическую линию, невозможно так или иначе не смешивать стратегию и тактику.

Под словом «революция» нередко и неправомерно подразумеваются только немирные пути и средства осуществления изменений в обществе.

Между тем пути и средства социалистической революции могут быть и мирными и не мирными, так же, впрочем, как пути и средства буржуазной, капиталистической контрреволюции.

Г. А. Зюганов, подразумевая под революцией фактически немирные пути и средства прогрессивного изменения общества, провозглашая исчерпанность лимита на революции, ориентирует, во-первых, **только** на мирные пути и средства прогрессивного изменения общества. Главными, основными мирными путями и средствами борьбы являются участие в выборах и деятельность в буржуазном парламенте. Во-вторых, Г. А. Зюганов, по сути дела, фактически ориентирует этим своим утверждением Компартию РФ и ее сторонников на принципиальный отказ от упразднения капитализма вообще, и в России, в частности, то есть ориентирует КПРФ и ее сторонников на **прогрессистски-реформистский** путь.

Кратко остановимся сначала на первом из положений, на вопросе о мирных и не мирных путях и средствах преобразования общества.

Г. А. Зюганов заявляет, что революция в России недопустима, так как она означает гражданскую войну. Если понимать, что такое революция, то из этого утверждения следует: не надо осуществлять коренных преобразований общества (в том числе деприватизацию собственности), не надо стремиться упразднить капитализм и не надо прибегать к вооруженной борьбе, поскольку тогда начнется гражданская война.

Такие представления более чем сомнительны. Буржуазная (капиталистическая) контрреволюция представляет собой тоже **коренное** изменение общества, как и революция. И она произошла в России в атомную и ядерную эпоху, как мирным путем (например, ваучеризация – это мирный способ перехода общественной собственности в частную), так и не мирным (расстрел Верховного Совета РСФСР в октябре 1993 года). Немирные пути и средства буржуазной контрреволюции не вызвали ни всеобщей гражданской войны, ни ядерной или атомной катастрофы. А ведь это было – подчеркнем еще раз, – хотя и регрессивное, но тем не менее **коренное** изменение общества.

Так почему в принципе невозможно коренное прогрессивное, то есть революционное социалистическое изменение общества как мирными путями и средствами, так и с тем или иным применением немирных способов и средств без гражданской войны или без всеобщей гражданской войны и ядерной или атомной катастрофы?

На наш взгляд, возможно. И выбор тех или иных путей и средств революции зависит, прежде всего и главным образом, **от соотношения борющихся сил**.

Теперь о том, что Г. А. Зюганов своим положением об исчерпанности лимита на революции, по сути, ориентирует КПРФ и ее сторонников на **прогрессистски-реформистскую** позицию в ее **противопоставлении революционной** позиции, как отрицание последней.

Понятие «реформа общества» в **отличие** от понятия «революция» есть количественное, а **не коренное** качественное изменение, преобразование общества. Реформы общества могут быть как прогрессивными, так и регрессив-

ными. Революционная позиция necessarily подразумевает реформы, но в качестве своих подчиненных моментов.

При том что в России и в мире в целом господствует капитализм, ограничение деятельности Коммунистической партии только реформами есть **согласие** с господством капитализма и, в лучшем случае, – стремление усовершенствовать капитализм. Если какая-либо партия становится на такую позицию, то эта партия – не коммунистическая, а социал-демократическая или «социалистическая» на манер западных «социалистических» партий.

Социал-демократы выдают реформирование капитализма за социалистические преобразования, с такой точки зрения ряд стран «золотого миллиарда» объявляются социалистическими. Так, например, трубят о шведском социализме.

С марксистской позиции говорить о социализме в современной Швеции совершенно недопустимо уже потому, что Швеция, в числе прочих стран «золотого миллиарда», участвует в эксплуатации стран так называемого «третьего мира» и является вполне капиталистической страной.

Социал-демократы, давно по сути перешедшие на капиталистические позиции, **смазывают существенное различие между реформами и революцией**. Социал-демократы, многие западные социалисты – такие же борцы за действительный социализм, какими борцами за социализм являются газеты «Московский комсомолец» и «Комсомольская правда». Буржуазная, капиталистическая суть, прикрытая словами «социалист», «комсомолец» и т.п. И что поразительно, на такую примитивную удочку клюют сотни тысяч, миллионы людей.

Марксист (и уж конечно, руководитель Коммунистической партии) обязан **строго и четко** различать реформу и революцию, реформистскую и революционную деятельность и, не отказываясь вообще от реформ, **подчинять** реформистскую деятельность революционной, открыто, прямо, честно и четко просвещая народ по таким **чрезвычайно** важным вопросам.

Марксистская, то есть подлинно коммунистическая, партия – с необходимостью партия революционная (нереволюционная коммунистическая партия – полный абсурд, совершеннейшая чушь) – должна быть готова ко всем, мирным и не мирным, путям и средствам борьбы. Реформистская партия идет только мирным путем и применяет только мирные средства. И главным мирным средством являются предвыборная деятельность и выборы. Основная деятельность реформистской партии сосредоточивается в буржуазных выборных органах (она состоит, в лучшем случае, в борьбе за частичное улучшение капиталистического общества) и в организации избирательных кампаний.

Задачу упразднения капитализма такая партия либо не ставит вообще, либо ставит, но как задачу туманного будущего, как задачу, решение которой будет осуществляться в отдаленном будущем, **не имеющую отношения к нынешней тактике, к повседневной деятельности партии, к ее ближайшим задачам**.

Напротив, революционная, подлинно коммунистическая партия даже тогда, когда нет революционной ситуации и революцию нельзя совершить сейчас или в ближайшем будущем, **просвещает** народ, **готовит** и себя и народ **к революции**, то есть к коренному изменению капиталистического общества, к его упразднению. И эту цель никогда не забывает в своей повседневной деятельности (при достижении ближайших целей, при блоках, соглашениях с иными политическими силами, в пропаганде и агитации...).

Если соглашательские, реформистские, оппортунисти-

ческие, признающие только мирные пути и средства борьбы партии стремятся смазать, затушевать коренное различие между капитализмом, с одной стороны, социализмом и коммунизмом – с другой, отказываются от выявления **эксплуататорской сути** капитализма, от критики **антинародной сути любого господства капитала и его политической власти**, то действительно коммунистическая партия и действительно коммунистический руководитель используют все возможности для того, чтобы в сознании трудящихся масс утвердилось убеждение: капитализм, господство капитала – это свобода эксплуатации трудящихся; всякая власть капитала, какими бы лицами она ни была представлена, ельциными ли, путиными ли, березовскими ли, ивановыми ли, сидоровыми ли, фоминскими ли, евреем ли, русским ли или человеком любой другой национальности – антагонистична, в корне враждебна коренным интересам масс трудящихся; только при упразднении политического, экономического, духовного и всякого другого господства капитала открываются возможности для реализации коренных интересов масс трудящихся.

Просвещению, воспитанию, организации трудящихся масс в таком духе должна быть подчинена вся деятельность действительно коммунистической партии и действительно коммунистического руководителя, действующих в условиях господства капитала. В этом центр тяжести их деятельности, все остальное (работа в представительных органах, участие в выборах и т.д.) играет лишь подчиненную роль.

Напротив, соглашательские, реформистские, оппортунистические партии свое внимание, силы, устремления сосредотачивают на усовершенствовании законов, процессов, сглаживании противоречий и т.п., оставаясь в рамках капиталистического общества, не посягая на господство капитала.

Поэтому такая партия делает акцент на критике не всего капиталистического строя в целом, не на критике самой сути капитала, самой сути его господства, а на критике недостатков отдельных лиц, например Ельцина, и не может **сразу и четко** разобраться, например, в том, что собой представляет власть Путина, сея иллюзии, будто при господстве капитала может быть избран президент, выражающий коренные интересы трудящихся масс населения.

Если главная задача подлинно Коммунистической партии и подлинно коммунистического руководителя в условиях господства капитала заключается в том, чтобы всячески способствовать осознанию трудящимися массами **их коренных интересов**, в том, чтобы воспитывать трудящиеся массы в духе борьбы за их коренные интересы, в том, чтобы организовать их на борьбу за свои коренные интересы, то для соглашателей, реформистов и оппортунистов такая задача либо не существует вообще, либо встанет когда-то в неопределенном будущем, не имеющем никакого отношения к деятельности в настоящем.

Принципиально коммунистическая позиция всегда должна выражаться коммунистической партией и ее руководителем ясно и отчетливо, так как без этого условия невозможно прояснить сознание народа, невозможно осознание народом своих коренных интересов. Но невозможно подготовить народ к социалистической революции, невозможно победа социализма, коммунизма, если коммунисты все это отложат на неопределенное будущее. Невозможна победа социалистической революции и без овладения социалистическими силами **всеми** формами и средствами борьбы, ибо им противостоит сильный противник, готовый к отчаянному сопротивлению и не останавливающийся ни перед чем.

Если положение Г. А. Зюганова об исчерпанности лимита на революции всего лишь метафора (как написал в оправдание Г. А. Зюганова один из известных идеологов КПРФ)³, то это – принципиально ошибочная метафора, не проясняющая, а затемняющая сознание народа по принципиальному вопросу, «метафора», представляющая собой шаблон, бытующий уже очень давно среди оппортунистов, и, точнее говоря, выражающая одну из основных черт оппортунизма, реформизма.

Вся совокупность взглядов и действий Г. А. Зюганова свидетельствует о том, что мы имеем дело отнюдь не с метафорой. Да и одной такой «метафоры» достаточно, чтобы утверждать, что во взглядах Г. А. Зюганова очень силен **социал-демократизм** в современном западноевропейском смысле слова.

Такой человек, в той степени, в какой у него имеются социал-демократические взгляды, и Швецию признает социалистической страной, и власть «социалистов» в ряде стран Западной Европы – подлинно социалистической властью, хотя на самом деле и Швеция – страна капитализма, и западные социалисты давно уже перешли на позицию буржуазии, оставаясь социалистами только по названию. Для такого человека, например, Е. М. Примаков, придерживающийся идеи конвергенции капитализма и социализма, можно сказать, единомышленник.

Постановка и достижение стратегических целей подлинно, а не только по названию, коммунистической партией необходимо основываются на марксистском мировоззрении, на марксистском методе.

Отступления от марксистского мировоззрения, от марксистского метода недопустимы при любых соглашениях, союзах и т.п. коммунистов с другими силами, недопустимы для партии, которая концентрирует свою деятельность на осуществлении коренных интересов трудящихся масс путем просвещения, воспитания, организации самих этих масс на борьбу за их собственные коренные интересы. Напротив, для «социалистических» и «коммунистических» соглашательских, реформистских, оппортунистических партий, партий, стремящихся **исключительно** к мирным формам борьбы, к борьбе за власть **только** путем выборов, характерны погоня за электоратом во что бы то ни стало, готовность идти на принципиальные компромиссы и в экономической, и в политической областях, и в области мировоззрения, в области метода.

Отступления, искажения, иллюзии в области мировоззрения, в области метода неизбежно сказываются весьма отрицательно на вовлечении трудящихся масс в борьбу за их коренные интересы и на самой этой борьбе.

Коммунистическая партия, если она действительно коммунистическая, должна опираться на научное, истинное мировоззрение, на научный метод и не отступать от них. Вступая в союзы, соглашения и т.п. коммунисты всегда и везде должны быть принципиальны, честны, открыто говорить о своих взглядах, о своих убеждениях, не подстраиваться под некоммунистические взгляды, и уж тем более – не отказываться от своих убеждений под давлением тех или иных исторических ситуаций; например, под влиянием разочарования какой-то части населения России в коммунизме или под влиянием распространения религиозных настроений.

Принципиальность, честность, открытая, откровенно коммунистическая позиция при создании союзов, заклю-

³ См. Юрий Белов, «Десница и шуйца», «Советская Россия», 27.09.2001 г., № 112 (12157), с. 3

чении соглашений с другими партиями, движениями – необходимая черта коммунистической партии, отражающей **коренные интересы угнетенных, эксплуатируемых** масс населения.

Поскольку же коренные интересы угнетенных, эксплуатируемых масс населения могут быть, в конечном счете, удовлетворены лишь в коммунистическом обществе, то действительно коммунистическая партия при всех соглашениях, союзах и т.п. должна прояснять сознание угнетенных, эксплуатируемых масс в коммунистическом духе, поднимать массы до осознания их конечных коренных интересов.

В статье о «Большом проекте» Г. А. Зюганова мы утверждали и утверждаем сейчас, что во взглядах Г. А. Зюганова присутствует не марксистское, а идеалистическое, более того, **религиозно-идеалистическое понимание истории**, что концепция (если это можно назвать «концепцией») «Русской идеи» – идеалистическая концепция. Нам возражают: дескать, автор искажил воззрения Г. А. Зюганова, никакого идеализма в них нет, «Русская идея» же вызревала в течение тысячелетия как коллективный опыт народа, как сознательное творчество народа.

Каковы же основные аргументы оппонентов, отвергающих идеализм в понимании истории Г. А. Зюгановым? **Первое.** Слова «промысел», «святая цель», «высший смысл народного бытия» и т.п. – лишь художественные образы, метафоры, подобно тому, как К. Маркс и Ф. Энгельс написали в «Манифесте Коммунистической партии» о призраке коммунизма, хотя коммунизма в действительности не было и в помине. **Второе.** Г. А. Зюганов не пишет о диалектике производительных сил и производственных отношений, ибо это – «Манифест НПСР». Но вообще-то де было бы нелепо приписывать Г. А. Зюганову отрицание или непонимание им указанной диалектики. **Третье.** Если – возражают – считать положение о сознательном творчестве масс, выработавшем за тысячелетие «Русскую идею», идеализмом то де идеалистично и положение В. - И. Ленина о социализме как сознательном творчестве масс. И тогда надо отречься от возможности сознательного влияния людей на историю.

Являются ли слова Г. А. Зюганова «промысел», «святая цель», «высший смысл народного бытия» и т.п. всего лишь метафорами? Думается, нет, ибо все изложение Г. А. Зюгановым истории России в «Манифесте НПСР» идеалистично, в отличие от «Манифеста Коммунистической партии», где К. Маркс и Ф. Энгельс, употребив в начале, в самом деле, метафору, затем ясно и четко рассматривают историю человечества с позиций материалистического понимания истории, с позиций диалектико-материалистического метода.

В статье о «Большом проекте» Г. А. Зюганова мы уже цитировали места из «Манифеста НПСР», в которых выражается его представление об истории России. В связи с возникшими возражениями оппонентов вернемся к ним еще раз и выскажем дополнительные соображения в пользу того утверждения, что Г. А. Зюганов идеалистически представляет себе историю России.

«Так, с XIII по XV столетие **национальный проект** [выделено нами – В. В.], потребовавший невиданной ранее мобилизации народных сил, был связан с преодолением вековой внутренней междоусобицы и губительной раздробленности. Со свержением тяжкого чужеземного ига»⁴. Итак, период с XIII века по XV век в истории России интерпретируется **вполне телеологически**. Ведь проект

– это **план** созидания чего-либо. Выходит, что вся история России с XIII по XV век происходила по плану. Куда уж пятилетним планам Советского периода истории России до плана, рассчитанного на века и притом осуществленного! И где тот таинственный Госплан XIII века, который спроектировал национальную идею, разработал национальный проект?

Это тем более удивительно, что русская **нация** образуется с образованием общерусского рынка, что происходит, как известно, значительно позже.

Следовательно, Г. А. Зюганов, к сожалению, не имеет **понятия** нации, то есть не понимает, что такое нация. Это не его личный, особенный недостаток, им страдают практически все патриоты, все националисты. Парадоксально, но факт: националисты не понимают, что такое нация. Это характерно для современной, по крайней мере, России, когда эмоции подавляют разум, приводя к тому состоянию в головах, о котором М. Горький выразился примерно так: будто черт кочергой перемешал их мозги.

Что же происходило в истории России затем, согласно Г. А. Зюганову? «В XV – XVII столетиях **сверхзадачей** [выделено нами – В. В.] стало создание единого централизованного государства, теснейшим образом связанное с нравственно-религиозным постижением Высшего смысла народного бытия. С первыми попытками осознать и сформулировать универсальный, воистину вселенский пафос Русской идеи. С формированием глубинных, коренных основ нашего национального самосознания»⁵. Оказывается, и в XV – XVII веках история России совершается **не стихийно, а сознательно**, в соответствии со **сверхзадачей**. Но откуда возникла сама такая «сверхзадача»? Чем она порождена? Порождена ли она только политическими и нравственно-религиозными причинами или причинами более глубокими? Марксист – это материалист, он тем и отличается от идеалиста, что объясняет политику, государство, религию, нравственность и т.д. и т.п. не из «национального самосознания», не из какой-либо идеи, а из реальных исторических условий жизни, из материального производства как самой глубокой основы жизни человеческого общества. Отвлекаться от такого объяснения там, где речь идет о многих веках истории страны – означает быть не просто идеалистом, а можно сказать, махровым идеалистом в понимании истории, в данном случае – в понимании истории государства, нравственности, религии, самосознания народа.

Перейдем к характеристике Г. А. Зюгановым XVIII – XIX веков в истории России: «XVIII и XIX века стали эпохой, главным достижением которой можно признать установление российского контроля над евразийским «сердцем мира». Эпохой геополитического становления России в качестве важнейшего элемента мирового равновесия сил»⁶.

Как при интерпретации истории России с XIII до XVIII века, так и здесь на первый план выходит история государства, история политики, а также нравственно-религиозная история, история самосознания. Причем материального производства, классов и классовой борьбы как будто в истории России не было, будто государство на протяжении «1000-летней истории России» было надклассовым, внеклассовым, не имело определенной классовой природы, но осуществляло некий абстрактный геополитический интерес.

О геополитике в будущем, видимо, придется писать особо. Здесь же скажем лишь то, что выпячивание геополитики

4 «Манифест НПСР».

⁵ Там же.

⁶ Там же.

литики на первый план в объяснении истории человечества – это в лучшем случае наивное, поверхностное представление, а в худшем – сознательный отказ от более глубокого, марксистского понимания истории, сознательное искажение истории человечества.

Вся история России с XIII века предстает в изображении Г. А. Зюганова историей проектов, «сверхзадач», то есть историей идей, мыслей...

Для определения взглядов Г. А. Зюганова на историю России вполне подходят очень верные и глубокие слова К. Маркса о мелкобуржуазном идеологе Прудоне:

«Предположим вместе с г-ном Прудонем, что действительная история, соответствующая порядку времен, представляет собой ту историческую последовательность, в которой проявлялись идеи, категории, принципы.

Каждый принцип имел особый век для своего проявления. Так, например, принципу авторитета соответствовал XI век, принципу индивидуализма – XVIII век. Переходя от следствия к следствию, мы должны будем сказать, что не принцип принадлежит веку, а век принципу. **Другими словами, не история создавала принцип, а принцип создавал историю.** Но если – чтобы спасти как принципы, так и историю, – мы спросим себя далее, **почему же данный принцип проявлялся в XI или в XVIII, а не в каком-нибудь другом веке, то мы неизбежно будем вынуждены тщательно исследовать, каковы были люди в XI веке, каковы они были в XVIII веке, каковы были в каждом из этих столетий потребности людей, их производительные силы, их способ производства, применявшееся в их производстве сырье; каковы, наконец, были те отношения человека к человеку, которые изучали из всех этих условий существования.** Разве вычитать все эти вопросы не значит заниматься действительной земной историей людей каждого столетия, изображать этих людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы? Но раз вы изображаете людей как действующих лиц и авторов их собственной истории, то вы приходите окольным путем к истинной точке отправления, потому что вы покидаете вечные принципы, от которых вы отправлялись вначале»⁷ [везде выделено нами – В. В.].

«Извечная Русская Идея» как раз из разряда «вечных принципов».

Оппоненты возражают: Русская Идея не имеет отношения к идеализму, ибо она выработана сознательным живым творчеством масс на протяжении столетий, а мы знаем, например, по Ленину, что социализм не может не быть сознательным творчеством масс. Так, выходит, что надо либо социализм объявить идеалистическим построением, либо отказаться от сознательного влияния людей на историю.

Конечно, ни того, ни другого делать не следует, а вот получше знать марксизм не мешало бы. **Предпосылки для сознательного творчества масс, для осознания угнетенными и эксплуатируемыми массами своих коренных интересов и для сознательной борьбы за их осуществление образуются лишь с возникновением и развитием крупной промышленности, с образованием крупнопромышленного рабочего класса.** Это было выяснено еще в 40-е годы XIX века К. Марксом и Ф. Энгельсом.

«Коммунизм, – писал К. Маркс в «Немецкой идеологии», – отличается от всех прежних движений тем, что совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства и общения и **впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки, как создания предшествующих поколений, лишает эти**

предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов [выделено нами – В. В.]»⁸.

Г. А. Зюганов, как и многие его защитники, по сути дела, не улавливают разницы между идеалистическим и материалистическим пониманием истории России. В головах многих представителей левой оппозиции царит невероятный хаос, причем чуть ли не каждый из них стремится все перевернуть, создать нечто новое миропотрясающее (в том числе Русскую идею), потрясая на самом деле своим невежеством относительно того истинного, что уже установлено марксизмом.

В связи с рассмотрением взглядов Г. А. Зюганова и его защитников на «1000-летнюю» историю России приведем гениальное рассуждение К. Маркса:

«Все прежнее понимание истории или совершенно игнорировало эту действительную основу истории [имеются в виду, по сути, производительное отношение людей к природе и отношения людей друг к другу в материальном производстве – В. В.], или же рассматривало ее лишь как побочный фактор, лишенный какой бы то ни было связи с историческим процессом.

При таком подходе историю всегда должны были писать, руководствуясь каким-то лежащим вне ее масштабом; действительное производство жизни представлялось чем-то доисторическим, а историческое – чем-то оторванным от обыденной жизни, чем-то стоящим вне мира и над миром. Этим самым из истории исключается отношение людей к природе, чем создается противоположность между природой и историей. Эта концепция **могла видеть в истории поэтому только громкие и пышные деяния и религиозную, вообще теоретическую борьбу** [выделено нами – В. В.], и каждый раз при изображении той или другой исторической эпохи она вынуждена была *разделять иллюзии этой эпохи* [выделено К. Марксом – В. В.]. Так, например, если какая-нибудь эпоха воображает, что она определяется чисто «политическими» или «религиозными» мотивами, – хотя «религия» и «политика» суть только формы ее действительных мотивов, – то ее историк усваивает себе это мнение»⁹.

Именно «политические» и «нравственно-религиозные» мотивы и выступают в «Манифесте НПСР» в качестве первичных и ничего не сказано о тех мотивах в «1000-летней» истории России, которые К. Маркс квалифицирует как действительные мотивы.

Г. А. Зюганов разделяет многие иллюзии современной эпохи в истории России, в частности иллюзии политические и религиозные.

Сначала о политической иллюзии. В «Манифесте НПСР» государство выступает в качестве образования первичного, определяющего историю России (наряду с нравственно-религиозными исканиями), совершенно не связанного со сферой материального производства.

Возражают: о производительных силах и производственных отношениях не следует писать в «Манифесте НПСР».

Весьма сомнительно. Во-первых, нельзя, заключая блоки, соглашения, отказываться от своих принципиальных убеждений. Во-вторых, дело в том, что Г. А. Зюганов и не отказывается от своих принципиальных взглядов на государство, религию, нравственность, историю России, они-то у него как раз такие, какие выражены в «Манифесте НПСР».

На наш взгляд, что касается государства, то Г. А. Зюганов, по меньшей мере, не понимает сути этого образо-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. изд. 2-ое, т. 4, с. 137-138.

⁸ Там же. Т. 3, с. 70-71.

⁹ Там же, с. 38.

вания вообще и существующего ныне в России, в частности. Свои представления по этим вопросам он высказывал не раз, не только в «Манифесте КПСР». Посмотрим, например, как в докладе XXXII съезду СКП-КПСС (октябрь 2001 г.)¹⁰ говорится об отношении КПРФ к нынешнему главе государства России: «Мы довольно долго проявляли сдержанность в оценке деятельности нового президента. Многие граждане, включая и часть тех, кто голосует за оппозицию, надеялись, что Путин пойдет по патриотическому пути. Тем более что поначалу он говорил о сильном государстве и социальной защите народа. В его команде появилось несколько новых лиц, разбавившие криминальную ельцинскую группировку. Но чем дальше, тем очевиднее: вера в государственный инстинкт Путина – это иллюзия. Под ней нет никаких реальных оснований. Его облик наследника Ельцина стал приобретать все более четкие очертания. Двусмысленность растаяла, как утренний туман. Стало очевидно, что принципиальных изменений в политике Кремля не произошло и не предвидится. Об этом мы прямо сказали на VII съезде КПРФ в декабре прошлого года»¹¹.

Это – образец теоретической беспомощности. Если бы Г. А. Зюганов обладал пониманием природы современного государства России, то трезвая и правильная оценка сути того, что будет делать Путин, должна была быть дана сразу же, уже при назначении его премьер-министром. Ссылки на то, что многие граждане верили в Путина, на то, что он разбавил группировку Ельцина новыми людьми, надежда на «государственный инстинкт» Путина – все это и есть проявления иллюзии, проистекающей из отсутствия понимания природы современного государства России. Дело не в лицах правителей (Ельцин ли, Путин ли, кто другой), не в том, что они говорят, а в том, что в России господствует капитал (в первую очередь финансово-торговый) и **все** президенты, **все** правительства **при господстве капитала** будут вести политику **в интересах капитала**, прежде всего и главным образом – крупного капитала.

Научная, марксистская теория, между прочим, тем и важна, что она позволяет предвидеть ход событий, ход истории, поведение отдельных действующих в политике лиц... И тем самым не плестись в хвосте настроений граждан (как это было у руководства КПРФ в отношении Путина), а вести за собой угнетенные и эксплуатируемые массы, убеждая их на их собственном опыте.

Представление Г. А. Зюганова о государстве совершенно отвлекается от истории классово-борьбы, от классовой природы Российского государства. Создается впечатление, что на протяжении XIII – XVIII веков и вообще на протяжении всей «1000-летней» истории России Российское государство руководствовалось исключительно или главным образом тем, чтобы утвердиться на естественном для нее геополитическом пространстве (говорят, что для этого надо было занять соответствующую территорию: на юге до гор, на востоке и севере до океана...), и соседние народы – за некоторыми исключениями – с радостью шли под начало России и радостно и дружно в ней жили, сохраняя свою самобытность и наслаждаясь

¹⁰ Речь идет о съезде Союза Коммунистических партий, проведенном в октябре 2001 г. под руководством Г. А. Зюганова. Уместно напомнить, что на XXIX съезде КПСС (март 1993 г.) КПСС была временно преобразована в СКП-КПСС. И с того времени Председателем Совета СКП-КПСС, что подтвердил чрезвычайный XXXII съезд СКП-КПСС в июле 2001 г. является О. С. Шенин (примечание гл. редактора журнала Т. И. Ябровой).

¹¹ Цитируется по: «Советская Россия», 30.10.2001.

ею.

Остается только неясным: если на юге Россия, подчинив Среднюю Азию, уперлась в свою естественную геополитическую границу, то почему царизм стремился к пронижению и проникал на юге в Афганистан, в Иран (вплоть до юга Ирана), на востоке перешел через океан и захватил Аляску, Калифорнию? Если естественной геополитической границей России являются горы, моря, океаны, то почему в свое время Русь пошла за Урал? И почему тогда не сказать, что вся Средняя и Западная Европа должна быть подчинена Российскому государству?

Представление о естественных геополитических границах весьма поверхностно, абсурдно противоречиво и **неисторично**. Главным, определяющим в развитии как мира в целом, так и отдельных стран является не геополитика, не геополитические интересы, а уровень и характер развития производительных сил, тип производственных отношений. Вечных, естественных геополитических границ не было и нет, геополитические границы, геополитические интересы изменяются с изменением производительных сил и производственных отношений. И если человек хочет быть марксистом, если он понимает суть происходящих процессов, он не может и не должен выпячивать геополитику на первый план и тем самым перемешивать мозги людей «чертовой» (прямо скажем, буржуазной по своей природе) кочережкой.

Неклассовый, внеклассовый подход Г. А. Зюганова, имеющийся в «Манифесте КПСР», отнюдь не связан с особенностью этого документа. Г. А. Зюганову вообще свойствен такой недостаток в интерпретации государства. Государство представляется только инструментом, вроде ножа. Ножом можно резать разные поддающиеся его воздействию предметы, но во всех случаях нож, хотя и может затупиться, износиться, остается тем же самым ножом, его природа остается внешней по отношению к материалам, на которые он воздействует.

Рассматривать государство только как инструмент – значит подходить к государству сугубо формально, совершенно отвлекаясь от его содержания. Так, например, поступают «демократы», характеризуя СССР, главным образом или даже исключительно, как «тоталитарное» государство и на этом основании отождествляют фашистское государство и СССР.

Между тем государство по своему содержанию есть общественные отношения в определенной сфере жизни общества, суть государства не в управлении (управление может осуществляться и не государством).

О сути государства хорошо написал Ф. Энгельс: «Так как государство **возникло из потребности держать в узде противоположность классов**, так как оно в то же время **возникло в самих столкновениях этих классов**, то оно по общему правилу является **государством само-го класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса**»¹².

Итак, суть государства заключается в том, что это организация, посредством которой экономически господствующий класс осуществляет свое политическое господство для подавления и эксплуатации угнетенного класса.

Из этого определения следует, что надежда **исключительно** на мирные пути и средства борьбы – а именно на это ориентирует Г. А. Зюганов КПРФ – иллюзия, утопия, если не сказать больше.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-ое, Т.21, с. 171.

Игнорирование классовой природы государства – не что иное, как игнорирование его сути, его содержания.

Инструментальный, формальный, неклассовый подход к государству присутствует не только в «Манифесте НПСР», но и в других работах Г. А. Зюганова, например в уже упомянутом докладе, рассчитанном, прежде всего, на коммунистов.

Мы могли бы процитировать ряд мест, где такой подход проявляется. Остановимся здесь лишь на одном достаточно характерном рассуждении Г. А. Зюганова: «Для нас укрепление Союзного государства – главнейшая задача. Сначала союз России и Белоруссии. Затем присоединение к нему Украины и Молдавии. Наконец, вхождение в новый Союз нынешних государств Закавказья и Средней Азии. Таким, как нам представляется, должен быть порядок объединительных действий»¹³.

Здесь опущен главный вопрос: могут ли **коммунисты** решить такую задачу, **оставаясь в рамках капиталистического государства** России. На наш взгляд, ставить такую задачу, не говоря четко и ясно, что она не может быть решена без завоевания подлинно социалистическими силами политической власти и без устранения господства капитала, – это в лучшем случае **иллюзия**.

Отсутствие определенности в вопросе, об укреплении какого Союзного государства идет речь, капиталистического или социалистического, свидетельствует о том представлении, будто классовая природа государства, его содержание тут безразлично, не имеет значения.

Столь же иллюзорно, утопично, поверхностно и дальнейшее рассуждение: «Пока же [то есть при господстве капитала, в рамках капиталистического государства? – В. В.] крайне важно восстановить единое экономическое пространство России и Белоруссии. Необходимы единые тарифы на энергоресурсы и транспорт. Пора дать приоритет белорусским товарам на рынках России и других стран СНГ. Решая проблемы экономики, мы [кто это «мы»? Кто будет «давать приоритеты»? Разве у власти коммунисты, а не капитал? «Мы» – это и Путин, и «Единство», и «Отечество»? Как можно говорить «мы» в таком контексте? – В. В.], тем самым, укрепив позиции русского языка, неуклонно идем к политическому объединению. **Мы** [выделено нами – В. В.] вплотную подошли к созданию единых государственных структур, вооруженных сил и органов правопорядка, к обеспечению взаимной поддержки во внешней политике. При этом крайне важно не допустить, чтобы основы социализма в экономике, социальной сфере и государственном строительстве в Белоруссии были раздавлены катком российских разрушительных реформ. Тут разговор особый...»¹⁴.

Туманное многозначительное замечание об «особом разговоре» не устранивает, а усиливает неопределенность, иллюзорность высказанных представлений: если в Белоруссии сохранились основы **социализма**, а в России не просто проводятся «разрушительные реформы», а проводятся **капиталистические** реформы, естественно имеющие разрушительный характер для существовавшей до того экономики России, то чем теснее экономическое объединение Белоруссии с капиталистической Россией, с Россией, где властвует капитал, тем разрушительнее действует капитализм России (при значительно более мощном экономическом потенциале России) на основы социализма в Белоруссии. И кто этому может

воспрепятствовать, если – еще и еще раз подчеркиваем – в России господствует капитал?!

Следовало бы четко и ясно сказать, что сохранение основ социализма в Белоруссии при ее экономическом и политическом объединении с Россией невозможно без завоевания социалистическими силами политической власти в России.

Г. А. Зюганов – реформист. Реформизм же необходимо связан с непониманием или (и) с игнорированием классовой природы государства.

В самом деле, если капитализм **только** постепенно (и, конечно, **сугубо** мирными путями) перерастает в некое иное общество, которое, скажем, считают социалистическим, то исчезает, отсутствует качественная граница, разделительная грань между капитализмом и социализмом и государство такого общества представляется неклассовым, лишь инструментом управления.

Деятельность Г. А. Зюганова в значительной мере происходит, говоря прямо, под знаменем идеи конвергенции капитализма и социализма – независимо от того, отдает ли он себе в этом отчет или нет, – идеи по сути буржуазной, широко распространенной в рядах социал-демократов, но для подлинных коммунистов, для подлинно коммунистической партии совершенно неприемлемой.

В России сознательным, горячим и давним приверженцем идеи конвергенции капитализма и социализма является, в частности, Е. М. Примаков, до недавнего времени возглавлявший в Государственной Думе фракцию «Отечество», которая теперь объединяется с «Единством».

Все сказанное говорит само за себя – о реальной «непримиримости» позиции Г. А. Зюганова по отношению к существующей в России власти капитала.

И здесь мы не можем не сказать о неправомерном подтягивании Г. А. Зюгановым ленинской позиции к своей: «Путеводным для нас было и остается указание В. И. Ленина: «Проявить свою «революционность» одной только бранью по адресу парламентского оппортунизма, одним только отрицанием участия в парламентах очень легко, но именно потому, что это слишком легко, это – не решение трудной и труднейшей задачи. Создать **действительно революционную** [выделено нами – В. В.] парламентскую фракцию в европейских парламентах – гораздо труднее...»

Очевидно, что В. И. Ленин видит трудности задачи не в том, чтобы создать парламентскую фракцию, а в том, чтобы создать **действительно революционную** фракцию в парламенте. Г. А. Зюганов же утверждает исчерпанность лимита не революции. Что же тогда остается от действительно революционной фракции и связанных с этим трудностей? К позиции В. И. Ленина такая позиция не имеет никакого отношения.

Весьма характерно, что социальную опору для своей позиции Г. А. Зюганов ищет и находит в так называемом «среднем классе». Представление о «среднем классе» – отнюдь не марксистское понимание классов, это представление выдвинуто буржуазными идеологами. Основным признаком выделения классов здесь является величина дохода или заработной платы, тогда как в марксистском понимании классов самое главное – это отношение к средствам производства, и остальные признаки классов вытекают именно отсюда. Г. А. Зюганов воспроизводит в своем докладе буржуазную, поверхностную идею о «среднем классе» и говорит о необходимости опоры именно на него, тем самым еще раз проявляя немарксистский характер своих представлений о классах и социальной опоре Коммунистической партии.

¹³ Из доклада Г. А. Зюганова «Служить народу и отечеству» очередному XXXII съезду СКП-КПСС, «Советская Россия», 30.10.2001.

¹⁴ Там же.

Итак, в «Манифесте НПСР» Г. А. Зюгановым выражено идеалистическое **представление** (о понимании говорить не приходится) об истории, идеализм в представлении о государстве и эти представления внутренне связаны с социал-демократизмом, реформизмом, оппортунизмом в его взглядах (хотя и – о чем ниже – не только с этим).

На наш взгляд, было бы неверно характеризовать воззрения Г. А. Зюганова как только социал-демократические, то есть по своей основной природе мелкобуржуазные. Его воззрения представляют собой конгломерат социально разнородных представлений, и в нем, наряду с социал-демократическими воззрениями, важное место занимают представления, характерные для земледельческих общинников, особенно для периода уже происходящего, но еще далеко не завершеного разложения земледельческой общины, далеко не завершеного преодоления традиций, представлений, привычек и т.п., свойственных ей.

Земледельческая община у многих народов мира, в том числе в России, существовала многие века. В России с возникновением и развитием капитализма земледельческая община разлагалась, происходила классовая дифференциация. Но это с одной стороны. А с другой стороны, община в той или иной степени продолжала сохраняться.

Тем нашим оппонентам, которые утверждают, что уже к 1917 году капитализм почти полностью разложил общину и уж тем более, дескать, это следует сказать о послеоктябрьском, послереволюционном положении российского крестьянства, ответим следующими данными:

«К 1917 году формально из передельных общин вышла только треть крестьянства, к тому же их силы были раздроблены и распылены, так как половина из них жила на хуторах и отрубях, а вторая половина оставалась на старых местах жительства и находилась в сложных отношениях с общинниками. Еще почти четверть крестьян сомневались и колебались, но все-таки оставались в общине. В отличие от них 41 % крестьян, принципиально сохранивших верность общине, были сплочены и решительны. Огромная потенциальная добыча в виде земель помещиков (49 млн. га), хуторян и отрубников (19 млн. га) превратила сомневающийся в сторонников передельной общины...»¹⁵.

В 1922 году в Советской России 85 % всей земли находилось в общинной собственности...¹⁶.

Теперь зададимся вопросом: могло ли образование и существование колхозов за несколько десятков лет преодолеть пережитки общинного устройства крестьян, их традиции, обычаи и т.п., если даже крестьяне, переселившиеся в города и живущие в городах много лет, до сих пор часто сохраняют привычки, представления, традиции, воспоминания, черты поведения и т.п., свойственные земледельческим общинникам. Более того, колхозы, если вдуматься, имеют черты переходного хозяйства. Колхозы в СССР не только пользовались общественным достоянием – землей, но и имели коллективную, но не общенародную, и в этом смысле не общественную, собственность, собственность данного коллектива, а не всего общества.

Поэтому, когда социализм в СССР погиб, а вместе с этим произошло разочарование миллионов масс в социалистических и коммунистических идеях, и стала господствовать капиталистическая идеология, то население

страны, которое не приняло капиталистическую идеологию и в той или иной мере разочаровалось в коммунистической идеологии, обратилась к представлениям, традициям и т.п. по своей сути, по своему происхождению **докапиталистическим**. Наиболее близким большей части этого населения оказались пережитки, традиции, верования и т.п., свойственные земледельческой общине (как, впрочем, наряду с этим и мелкобуржуазные представления, черты психологии и т.д. и т.п.). В такой форме эта часть населения (и довольно большая часть) выразила и выражает свое неприятие буржуазной идеологии и буржуазной действительности и ищет, полагая, что находит, позитивные идеалы в докапиталистическом прошлом, причем для этой части населения идеалы, устройство и т.п. докапиталистического прошлого выступают как желаемое будущее. Движение назад воспринимается как движение вперед, реакция как прогресс. Подобно тому, как в годы «перестройки» «демократы» называли себя «левыми», хотя в действительности – и они это признали впоследствии – были правыми, а действительных левых называли «правыми». И это было естественно, так как они буржуазную контрреволюцию, то есть реакцию, принимали и выдавали за прогресс, за революцию. Для тех, кто повернулся спиной к прогрессивному ходу истории, левое стало правым, а правое – левым до тех пор, пока не утвердился более трезвый взгляд на происходящее в «пореформенной» России.

Поиски идеалов, традиций, верований и т.п. в докапиталистическом прошлом, с одной стороны, есть объективно реакция, причем реакция более глубокая, чем реакция капиталистическая, а с другой стороны, во-первых, здесь скрывается неадекватный, но все же протест довольно широких слоев населения России против капиталистической действительности, и во-вторых, само по себе возвращение назад отнюдь не во всем носит негативный характер. Вопрос заключается в том, **что** реставрируется, воспринимается, оживляется из докапиталистических форм жизни общества.

Развитие истории идет по спирали. Если выделить из общего развития такую важную его сторону, как развитие собственности, то можно заметить, что собственность развивается от первобытнообщинной к частной и, наконец, к общественной собственности. Каждая стадия этого спиралевидного развития и отрицает предшествующую, и сохраняет в снятом, преобразованном виде достижения предшествующих стадий, а конечный пункт витка спирали – это вообще как бы возвращение к исходному. Так, общественная собственность есть общая собственность и представляет собой как бы возвращение к исходной, общей форме собственности. Но это лишь как бы возвращение, ибо, отметим, исходная форма – общая собственность **части** общества, отдельного коллектива – родовой общины и позднее – земледельческой, а конечная форма этого витка спирали – общая собственность **всего** общества.

Черты как бы возвращения конечной стадии этого витка спирали к исходному имеются не только в отношении собственности, но пронизывает фактически все стороны жизни общества.

К сожалению, и это было неизбежно, возврат к докапиталистическим представлениям, верованиям, традициям и т.п. в условиях, когда не понимается общий ход истории и, в лучшем случае, неадекватно воспринимается коммунизм в целом и в том числе социализм, а в худшем случае коммунизм отвергается совсем, возвращение к докапиталистическим идеалам (тут мы имеем ввиду главным образом общинную жизнь), верованиям, традициям и т.п. происходит стихийно, без уме-

¹⁵ Б. Н. Миронов Социальная история России. М., 2000. Т. 1, с. 483.

¹⁶ Сборник статистических сведений по Союзу СССР. 1918 – 1923. – М., 1924, с. 98.

ния, без способности выделить то, что необходимо сохранить в преобразованном виде из докапиталистического прошлого, в том числе из общинной жизни. При этом происходит смешение того, что действительно в настоящем и будущем необходимо сохранить из общинной жизни, и того, что вполне реакционно и вполне устарело. Напротив, при таком стихийном подходе могут не попасть в поле зрения некоторые действительно ценные для будущего черты докапиталистического прошлого. Сознательное и последовательное сохранение (разумеется, в преобразованном виде) возможно лишь с позиций конечной стадии переживаемого в настоящее время человечеством витка истории – с сознательной и последовательно коммунистической позиции.

Взгляды Г. А. Зюганова в немалой степени – выражение стихийно возникшего и стихийно осуществляемого, а значит страдающего серьезными ограниченностями, возврата к пережиткам докапиталистического прошлого, к представлениям, верованиям, обычаям, традициям, свойственным общинным крестьянам и сохраняющимся в той или иной степени больше в сельской местности, но не изжитым полностью и у городского населения, переселившегося из деревни в город и живущего, с точки зрения исторической, сравнительно недавно в городе (в пределах одного, двух, а может быть, в зависимости от прочих условий – и большего числа поколений).

Чтобы понять эти пережитки, необходимо обратиться к русской общине. Русская община на протяжении «1000-летней» истории существовала в основном в условиях феодализма, затем в условиях возникновения и формирования капитализма. Правда, капитализм до Великой Октябрьской социалистической революции так и не стал господствующим в жизни России. Земледельческая община на протяжении «1000-летней» истории изменялась, в особенности с развитием капитализма, интенсивно разлагающего общину на присущие капитализму классы. Но тем не менее, как было сказано выше, земледельческая община к 1917 году и некоторое время после 1917 года продолжала в той или иной степени сохраняться.

В связи с интересующим нас в данной статье вопросом о наличии в воззрениях Г. А. Зюганова пережитков, свойственных земледельческим общинникам, выделим некоторые существенные черты идеологии, присущей общинному крестьянству.

Такой чертой – в той мере, в какой крестьянство остается именно общинным, – является **коллективизм**. Однако, так как это общинный коллективизм, то он отличается большей или меньшей **местной замкнутостью**. На такой основе в числе прочего вырастают представления о местной исключительности. С образованием единого централизованного государства (на Руси это происходило в условиях феодализма), с одной стороны, земледельческие общины, хотя и изменились, но отнюдь не исчезли, и не исчезли представления каждой из общин каждой местности как о своей, так сказать, малой Родине, так и о своей местной исключительности. С другой стороны, это представление о местной исключительности тоже как бы централизовалось, разбухло до рамок всего, ставшего единым, феодального российского государства. Так постепенно образовывалась идея об исключительности России, русского государства, становилось то, что называют сейчас «Русской идеей».

Феодальное государство – это, как и земледельческая община, по преимуществу тоже **местнозамкнутое** образование, хотя по сравнению с общиной масштаб замкнутости, так сказать, на порядок выше. Если истоки «Русской идеи» находятся в земледельческой общине, то оформ-

ляется она в рамках **феодального** государства в России, под его эгидой идеологами феодализма (в форме ли идеологии Москвы как третьего Рима, в форме ли славянофильства или в чем-то тому подобном). Люди, в той или иной мере сохраняющие общинные пережитки, представления о местной исключительности, довольно легко усваивают идею об исключительности русского народа, Российского государства, «Русскую идею», то есть представления в «развитой» форме по своей основной природе феодальные.

В отличие от феодализма капитализм по своей природе **космополитичен**: развитие капитализма ведет к образованию, в конечном счете, единой мировой хозяйственной системы, ломая, устрояя на этом пути местную этническую, национальную, государственную, языковую, культурную и иную замкнутость.

Разумеется, с последовательно понимаемых и защищаемых позиций капитализма ни «Русская Идея», ни культурная, ни языковая, ни этническая, ни национальная замкнутость, в конечном счете, неприемлемы.

«Русская идея» и тому подобные идеологемы могут быть приемлемы лишь для местного, национально-го капитала в той степени и постольку, **в какой степени и постольку он слаб для того, чтобы броситься в океан мировой конкурентной борьбы капиталов**. Но как только такой капитал крепнет настолько, что оказывается способен к мировой конкурентной борьбе капиталов, ему становятся ненужными, мешающими узкие рамки идеологем типа «Русской идеи». Так называемое «глобалистское» развитие капитализма – **естественно-исторический** процесс развития капитализма на его высшей стадии.

Термин «глобализм» заимствован из буржуазной литературы и точно суть дела не выражает. «Глобализму», **буржуазному космополитизму** марксист должен противопоставлять не какую-либо «Русскую Идею», или «Исламскую Идею», или некую другую «Идею», не этническую, культурную, языковую, геополитическую и тому подобную исключительность, **не национализм, а интернационализм**.

С нашей точки зрения, в представлениях о «нации», «национализме», «интернационализме» царит хаос, а понятие «буржуазный космополитизм» вообще не употребляется.

Если в марксизме под «нацией» понимается образование, возникающее с возникновением капитализма и не существующее до капитализма, включающее в число существенных признаков не только единые территорию, язык, культуру, но и **единую** обособленную экономику, то в настоящее время в оппозиционных кругах нация смешивается с народом, с племенем или союзом племен и т.п.

С позиции марксиста национальная (именно национальная) обособленность, будучи порождена капитализмом на относительно ранних этапах его развития, затем им же начинает разрушаться, как им разрушается и всякая другая обособленность, местная замкнутость (экономическая, политическая, культурная, языковая...). Устранить развитие мировой экономики как мировой системы невозможно, утопично.

Марксистский интернационализм сходен с буржуазным космополитизмом в том, что он признает эту тенденцию развития капитализма, видит, что тут действует объективная закономерность.

Но отсюда не следует вывод, что марксистский интернационализм и буржуазный космополитизм есть одно и то же или нечто родственное. В оппозиции многие вос-

принимают слово «интернационализм» как постыдное, ругательное. Но это аналогично тому, что отождествлять убийцу, признавшего в убийстве, и судью, назначившего ему наказание, на основании того, что оба признали факт убийства.

Буржуазный космополитизм – идеология создания и совершенствования мировой системы **капитализма**, системы, **основанной на угнетении и эксплуатации большинства населения мира.**

Марксистский интернационализм, опираясь на естественно-историческую закономерность развития истории, своей целью выдвигает создание мировой системы социализма и коммунизма, **системы, свободной от угнетения и эксплуатации, системы, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех.** Марксистский интернационализм необходимо предполагает образование единого свободного человечества с сохранением в преобразованном виде всего ценного, что было в истории.

Национализм отличается от буржуазного космополитизма и от марксистского интернационализма тем, что стремится сохранить во что бы то ни стало экономическую, политическую, культурную, языковую и т.д. обособленность, даже если эта обособленность противоречит закономерному ходу истории.

В таком случае с позиции националистов и буржуазный космополитизм, и марксистский интернационализм выступают как нечто неразличимое, как одно и то же. Недаром же Троцкий стал пугалом среди националистов (в том числе некоторых из руководителей КПРФ) не почему-либо, а потому, что он в их глазах своего рода символ интернационализма¹⁷.

Но! Но если **буржуазный космополитизм** – это идеология своекорыстия, идеология насилия над нациями и народами со стороны империалистических стран и главного ныне звена мирового капитала – транснациональных корпораций с привлечением на свою сторону верхушки, правящих кругов угнетаемых и эксплуатируемых стран, наций, народов, то **марксистский интернационализм** – это идеология сознательной борьбы **за коренные интересы угнетенных и эксплуатируемых всего мира.**

Поэтому марксисты, во-первых, в нации, в народе упор делают не на принадлежность к нации, а на принадлежность тех или иных представителей нации, народа к угнетателям или угнетенным, к эксплуататорам или эксплуатируемым. С этой позиции угнетаемому и эксплуатируемому русскому ближе угнетаемый и эксплуатируемый еврей, чем русский угнетатель и эксплуататор. Во-вторых, если буржуазный космополитизм напрочь разрушает все национальное, все, что присуще данному народу, а национализм стремится некритически сохранить все национальное, все специфическое для данного народа, то марксистские интернационалисты, пока и поскольку они действительные интернационалисты, стремятся сохранить все то в нации, в народе, что не противоречит закономерному ходу истории, что сохраняет свое значение для устройства мира без разделения на угнетенных и угнетателей, все, что позволяет достигнуть такой жизни на Земле, когда свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех. Причем принципиально допустимо достижение этого, с точки зрения марксиста, только без насилия над угнетенными и эксплуатируемыми нациями, народами, ибо такое насилие, в свою очередь, есть способ угнетения.

¹⁷ Автор здесь не высказывает своего отношения к деятельности Троцкого.

Национализм¹⁸ в своей крайней форме, **в форме шовинизма**, направлен уже не просто на **сохранение** национальных, народных, племенных, расовых **особенностей в любых формах**, а на разжигание вражды и ненависти к другим нациям, народам, племенам, расам, на их подавление, подчинение. Условно говоря, первая форма национализма – оборонительная, а вторая – наступательная. Естественно, оставаясь в пределах национализма, к шовинизму склонны более сильные нации, народы, племена, расы, национальности.

В национализме следует выделять также сторонников докапиталистического прошлого и сторонников собственно **национальных** интересов, имея в виду, что собственно нации образуются лишь при капитализме.

Общий ход развития капитализма **в основном** разрушает докапиталистическое прошлое. Что же касается наций, то при капитализме имеются лишь **буржуазные** нации, то есть образования, в которых уже существует дифференциация на своих, национальных капиталистов и рабочих. Ход развития капитализма на ранних стадиях ведет к формированию наций, и во главе таких наций стоит национальная буржуазия. Однако чем более капитализм превращается в мировую систему, тем более он разрушает им же порожденные буржуазные нации и тем более на первый план выступает буржуазный космополитизм. Причем космополитические тенденции начинают преобладать, прежде всего, у буржуазии более развитых капиталистических государств. Национализм более развитых капиталистических государств приобретает космополитический характер, который при дальнейшем развитии мировой капиталистической системы все больше выдвигается на передний план по сравнению с национализмом. Но до сих пор и в ближайшем будущем буржуазный космополитизм стран «золотого миллиарда» вряд ли полностью вытеснит национализм буржуазии этих стран.

В общеисторическом плане рассматривая ход современной истории в целом, надо сказать, что главный противник марксистов – буржуазный космополитизм и шовинизм. Что же касается, так сказать, национализма оборонительного, то национальная буржуазия может быть временным союзником, но это союзник весьма неустойчивый. Национальная буржуазия отчасти, иногда может идти на союзы с коммунистами до тех пор, пока чувствует свою слабость. Но национальная буржуазия скорее склонна продавать интересы нации буржуазии развитых капиталистических стран или по мере усиления становиться на позиции шовинизма (например, это проявляется у буржуазии исламских стран).

Настоящие коммунисты обязательно интернационалисты и, по нашему глубокому убеждению, не должны принимать в качестве **своей** националистическую (в широком смысле слова) «Русскую Идею». Ее принятие означает не что иное, как фактическое пристраивание **в хвост** национально-патриотических сил.

В упомянутом выше докладе Г. А. Зюганов цитирует слова И. В. Сталина об отношении коммунистов к борьбе за национальную независимость и национальный суверенитет и утверждает, что «сегодня перед коммунистами стоит именно та задача, на которую указывал еще И. В. Сталин». Вроде бы Г. А. Зюганов согласен с И. В. Сталиным. Однако на самом деле между его позицией и позицией И. В. Сталина имеет место существенное, принципиальное различие. Действительно,

¹⁸ Здесь автор употребляет это слово в широком, обычном смысле, когда имеется в виду не только нация, но и народ, племя и т. д.

что говорит И. В. Сталин в приведенной цитате?

«Раньше **буржуазия** считалась **главою нации**, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «выше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь **буржуазия** продает права и независимость нации за доллары. **Знамя** национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это **знамя придется поднимать вам**, представителям коммунистических и демократических партий и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации». «Коммунисты, – говорит Г. А. Зюганов сразу после процитированных слов И. В. Сталина, – стали сегодня не только самыми последовательными, но и единственными по-настоящему принципиальными борцами за истинную демократию и национальные интересы своей страны и суверенитет других государств»¹⁹.

Итак, И. В. Сталин указывает: чтобы коммунисты стали руководящей силой нации, они должны поднять знамя национальной независимости и национального суверенитета, выброшенное буржуазией за борт, «теперь буржуазия права и независимость нации продает за доллары». Следовательно, коммунисты, согласно И. В. Сталину, борются за национальную независимость и национальный суверенитет не вместе с буржуазией своей нации, а в противоположность ей. В этой борьбе «своя» буржуазия является не союзником, а противником. Значит, коммунисты должны идти **вперед**, выражаясь словами И. В. Сталина, со знаменем борьбы за национальную независимость и национальный суверенитет. Вперед! А не в хвосте! Не отказываясь от своих стратегических целей, от своих принципов!

Отсутствие четкого классового подхода при рассмотрении Российского государства на протяжении «1000-летней» истории России, отсутствие четкого классового подхода к существующему в нашей стране государству, братание Г. А. Зюганова с предпринимателями, например, сначала с Семаго, с Подберезкиным, потом с Семигиным, принятие как своей «Русской идеи», зюгановское отношение к православной религии и церкви – это и есть призравание в хвост некоммунистических сил, но отнюдь не «принципиальная борьба за истинную демократию и национальные интересы своей страны и других государств».

Если оценивать представления Г. А. Зюганова с точки зрения того, мировоззрению каких **классов** они, в конечном счете, соответствуют, то должно, по-нашему мнению, констатировать, что в «Манифесте НПСР» выражено преимущественно их соответствие крестьянской идеологии, а более узко – идеологии патриархального общинного крестьянства. Это и стремление к некоей неопределенной, но общей для всех справедливости, к коллективизму, это и отсутствие представления о классовой природе государства, понимание государства как действующего для народа вообще, в интересах народа вообще. С этим связаны вера в доброго царя-батюшку и иллюзия о мешающих доброму царю злых боярах – вспомните характерную иллюзию Г. А. Зюганова о возможных «добрых делах» Путина. Наконец, это и религиозность, и отношение к церкви как организации, в рамках которой (наряду с государством) оформляется да и происходит нравственно-религиозное постижение «Высшего смысла народного бытия» (Г. А. Зюганов).

Наше утверждение в предыдущей статье о том, что Г. А. Зюганов стоит на религиозной позиции, вызвало

¹⁹ «Советская Россия», 30.10.2001.

бурю отрицательных эмоций. У защитников Г. А. Зюганова его позиция в отношении к религии и церкви проявилась даже отчетливее, чем в собственном изложении Г. А. Зюганова. Остановимся лишь на характерных стереотипах.

Первое. Говорят, что в своей статье о «Большом проекте» Г. А. Зюганова автор «привел даже слова Маркса о религии как опиуме **для народов**» [выделено нами – В. В.]. Это стереотипное непонимание отношения К. Маркса и, естественно, настоящего марксизма к религии. Поразительно! Отсутствует даже умение внимательно прочитать цитату из К. Маркса! К. Маркс пишет ясно: «Религия есть *опиум* народа»²⁰. Не «**для** народа», а «опиум **народа**». Эта, казалось бы, мелочь включает в себя разницу между домарксистским, немарксистским пониманием религии, с одной стороны, и марксистским пониманием – с другой.

Это французские просветители рассматривали религию как то, что привносится в народ извне, как будто религиозный опиум изготавливается кем-то вне народа, но для народа, чтобы его обмануть, поработить и т.п. Поэтому освобождение от религии сводилось к ее разоблачению, к просвещению народа, к разумной критике религии.

Ближе всего подошел к пониманию религии Л. Фейербах. «Фейербах исходит из факта удвоения мира на религиозный, воображаемый мир и действительный мир. И он занят тем, что сводит религиозный мир к его земной основе»²¹. К. Маркс воспринял и развил достижение Л. Фейербаха: «Основа иррелигиозной критики такова: человек *создает религию*, религия же не создает человека. А именно: религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял [как ныне многие граждане России – В. В.]. Но человек – не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек – это *мир человека*, государство и общество. Это государство, это общество порождают религию, *превратное мировоззрение*, ибо сами они – *превратный мир*»²². Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический словарь, его логика в популярной форме, его спиритуалистический point d'honneur²³, его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания. Она претворяет в *фантастическую действительность* человеческую сущность, потому что *человеческая сущность* не обладает истинной действительностью. Следовательно, борьба против религии есть косвенно борьба против *того мира*, духовной *услადой* которого является религия»²⁴.

В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс формулирует принципиальное отличие своего отношения к религии от фейербаховского: «Он не замечает, что после выполнения этой работы [сведения религии к ее земной основе – В. В.] главное-то остается еще не сделанным. А именно, то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы. Следовательно, последняя сама должна быть понята в своем противоречии, а затем практически рево-

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. изд. 2-ое. Т. 1., с. 415.

²¹ Там же. Т. 3., с. 2.

²² «*Превратный мир*» порождает превратное, в данном случае религиозное мировоззрение – В. В.

²³ *Фр.*, вопрос чести – *Ред.*

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. изд. 2-ое. Т. 1., с. 414 – 415.

люционизирована путем устранения этого противоречия. Следовательно, после того как, например, в земной семье найдена разгадка тайны святого семейства, земная семья должна быть подвергнута теоретической критике и практически революционно преобразована»²⁵.

Имеющий глаза да увидит! Представление о религии как «опиуме для народов» – и потрясающее невежество для человека, претендующего быть марксистом, коммунистом, и проявление **идеалистического** представления об истории.

Второе. Возражают, Г. А. Зюганов говорит не о религии как о веровании в бога, а о православной церкви:

Православная Церковь – единственный на протяжении всей истории России общественный институт, который накапливал и сохранял все те принципы и ценности, которые вынашивали русские люди. Коммунисты, отвергнув верование в потустороннего бога [есть и посюсторонний бог? – В. В.], взяли от религии самое ценное, что она за всю историю накопила. Моральный кодекс строителя коммунизма практически полностью повторил заповеди Христа. Сегодня, когда на первый план вновь вышли вопросы морали и нравственности, когда практически все общественные институты, которые играют важную роль в формировании общественного сознания: школа, телевидение, радио и печать – оказались под влиянием недругов нашего Отечества, Православная Церковь ныне вновь оказалась одним из немногих островков (наряду с левой патристической прессой), в котором сохранились принципы морали и нравственности русского народа в неизменном, нетронутом виде. И если сфера воздействия левой прессы, явно немногочисленной, ограничивается пока левым электоратом, если она еще пока с трудом находит дорогу к основной массе населения, то Церковь «работает» как раз с той массой населения, которая сегодня пока еще не повернута к нам. И как раз она продолжает сеять те принципы, которые отражены как в заповедях Христа, так и в Моральном кодексе строителя коммунизма.

Все это выдается за новое, зюгановское направление, обогащающее марксизм тем, что достраивает марксизм учением о сознательном участии масс в переходе к новому обществу, более подробно и предметно изучает влияние духовного фактора в этом сложном историческом процессе.

Противники же «зюгановского направления», дескать, «заснули» на рубеже XIX и XX веков.

Основополагающие положения во всем этом... (тут мы затрудняемся с определением) таковы: Православная Церковь хранит нравственные ценности русского народа, выношенные им за всю свою историю; нравственные ценности русского народа Православная Церковь сохраняет в неизменном, нетронутом виде; именно Православная Церковь сеет принципы, которые отражены как в заповедях Христа, так и в Моральном кодексе строителя коммунизма, причем сеет их и среди масс населения, которые пока еще не повернуты к левой оппозиции.

Какую мораль хранит, какую мораль «сеет» Православная Церковь? Разве мораль, очищенную от «верований в бога»? Нет, конечно. Если она и «сеет» мораль, то **мораль религиозную, мораль, основанную на вере в бога.**

Признание того, что именно Православная Церковь

«сеет» ту же мораль, что выражена в Моральном кодексе **строителя коммунизма** (кстати, сочинении, весьма сомнительном с марксистской точки зрения, о чем надо говорить особо) как раз и значит выдавать **религиозную мораль за мораль коммунистическую**, что с научным коммунистическим воззрением по своей **сути** не имеет ничего общего. Тогда надо прямо и открыто сказать, что «новизна» зюгановского направления заключается в том, что это – христианский коммунизм, или, точнее, православный коммунизм. По факту такой «коммунизм» может существовать, только к марксизму, к сути научно понимаемого коммунизма он не имеет отношения. Практически и тактически с таким «коммунизмом» возможны те или иные соглашения, но стратегические цели марксистов и христианских, в данном случае православных коммунистов принципиально различны.

Церковь, оставаясь церковью, не может отказаться от религиозной морали, от морали, основанной на религии, на вере в бога. Религия, вера в бога – не внешняя оболочка религиозной морали, религия пронизывает эту мораль и внутренне едина с ней. Только при поверхностном понимании религии как «опиума для народа» можно прийти к мысли, будто религиозность в проповедуемой церковью морали нечто совершенно незначительное, будто ее можно убрать – и нате вам коммунистическую мораль в готовом виде.

Религиозная мораль – это мораль, возникшая на почве мира отчуждения, порожденная этим миром **как отчужденная форма и освящающая** его. Позиция марксизма – позиция борьбы с миром отчуждения, устранения различных форм отчуждения, в том числе и религиозной морали.

Религиозная мораль есть форма религиозного общественного сознания, мораль, определяемая религией, именно религия дает такой морали ее содержание. Религия же есть **сердце**, но «сердце **бессердечного мира**», она есть протест против этого мира и его принятие.

«Упразднение религии, как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*. Критика религии есть, следовательно, *в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия*»²⁶.

Религия освящает «юдоль плача», а не ведет к ее устранению. Религиозная мораль по существу содержит религиозные мотивы поведения, религиозные ценности, религиозные идеалы и т.д., и т.д. Все это в принципе отлично от мотивов, ценностей, идеалов и т.п. в той морали, которая является частью движения, направленного на действительное устранение «юдоли плача», на достижение **не иллюзорного, а действительного** счастья народа, то есть морали коммунистической.

Словом, как о том, что Православная Церковь сеет «коммунистическую мораль», так и о новизне «зюгановского направления» можно говорить, лишь употребив «опиум для народа». Тем более это относится к цельности «зюгановского направления». Перепутав направление хода истории, пожалуй, можно и в пещере проснуться.

Москва, 2001 г.

²⁵ Там же. Т. 3., с. 2.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. изд. 2-ое. Т. 1., С. 415.